

¹В ХАРБИНЕ

*19 марта 1920 г.*² И так, мы в Харбине³. Устроив вещи на хранение, мы пошли в вокзальный ресторан, — мужу захотелось съесть что-нибудь горячее. Но цены оказались непомерные: порция бефстроганов — 30 руб[лей] старыми деньгами или сибирскими 750 руб[лей], бутылка пива — 10 руб[лей] и т.п. Мы отказались от мысли об ужине; купили только коробку папирос за 4 руб[ля]. Муж предложил остаться на ночь в вокзале, т.е. просто просидеть до утра за столом, но я была так измучена, что меня буквально валило с ног, и я уговорила его пойти разыскивать гостиницу, хотя в глубине души и была уверена, что найти свободный номер — дело несбыточное.

Пошли мы, опрашивая прохожих — было это часов в 9 вечера. Освещение скудное, местами — тьма кромешная. Внезапно из тьмы надвинулись на нас двое рабочих, судя по их одежде и мешкам с инструментами, которые они несли с собой. Потом попались навстречу две молодые девушки; на наш вопрос они показали, как пройти к гостинице. Я невольно заметила, как близко друг от друга стоят на постах китайские полицейские.

Мы подошли к указанной гостинице. Но сидевший на лавочке около нее чех заявил нам, что гостиница эта занята чехословацким интендантством. Муж сообщил, что мы приехали тоже с чешским интендантским эшелоном, назвал несколько имен. Чех обрадовался и был так любезен, что тотчас же пошел с нами разыскивать гостиницу — таковых оказалось две поблизости. Зашли в первую — номеров свободных нет; во второй оказался один незанятый. Чех распрощался, просил заходить к нему в канцелярию. Я была так поражена нашей удачей, что сочла это даже счастливым предзнаменованием: в Харбине вдруг сразу найти номер в гостинице! Правда, запросили с нас 7 иен или, по курсу, 49 руб[лей] романовскими, в сутки. Но нам было все равно: так мы измучились. Вошли, отдали паспорта, спросили и выпили бутылку пива и легли спать — очень оригинально: с собой не было у нас ни мыла, ни полотенца, ни постели. По

---

¹ НИЛА. Serebrennikov I.I., box 1, folder 1. Л. 1–10. Дневник написан А.Н.Серебренниковой. На обложке надпись «А.Н.Серебренникова. 1920–1939 годы».

² О первых днях в Харбине см.: Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1924). С. 17–63.

³ Харбин располагался на правом берегу Сунгари, являлся важнейшим узлом КВЖД. 23 апреля 1898 г. в деревушку Хаобин (имеются разночтения) пришла партия инженера А.И.Шидловского, которая приступила к строительству первого барака. 30 мая прибыла группа главного инженера Юговича, который купил у китайцев небольшой участок земли с развалинами ханшинного завода. Впоследствии это место получило название Старый город. С течением времени железнодорожные учреждения перевели в Новый город, торгово-промышленные предприятия расположились в прибрежной части — Харбин-пристань. К 1920 г.: население 200 тыс., из них свыше 50 тыс. русских жителей.

счастью, на кровати было одеяло, подушка и простыня. Так и заночевали.

Ночь была холодная, номер не топлён, и мы порядочно промерзли и плохо спали.

20-го. Проснувшись утром, я, вместо умывания, намочила платок водой из графина и вытерла им лицо и руки. Переговорили со швейцаром гостиницы, попросили его привезти наши вещи. В 10 часов их привезли. Тогда мы заказали самовар, умылись, как следует, и, поев и попив чаю, отправились разыскивать знакомых. День был жаркий, почти летний. Мы с интересом приглядывались к новому городу; мне нравились некоторые улицы, сплошь засаженные тополями и другими деревьями, как аллеи сада. Попадались и хорошо мощенные, очень красивые улицы. Расспрашивая прохожих, добрались мы до главной улицы Пристани, Китайской¹. На ней множество магазинов, дома каменные; большое движение, много автомобилей. Тут же бегают и на каждом углу стоят рикши со своими колясочками. Когда они везут пассажиров, на них жалко смотреть: пот по лицу катится градом, дыхание тяжелое, со свистом. Ездят на них, главным образом, китайцы.

Магазины здесь богатые. Чуринский универсальный магазин занимает почти целый квартал². Такой же его магазин имеется и в Новом городе. Выставки в окнах довольно роскошные: обилие обуви, шляп, мехов, всевозможных материалов. После иркутской пустоты последних месяцев невольно разбегаются глаза на все это богатство.

---

¹ Район начал строиться одновременно со Старым городом. В нем была сосредоточена почти вся торговая жизнь Харбина, находились магазины, склады, банки и т.д. В центре находились главное полицейское управление, городское общественное самоуправление, биржевой комитет, а также судебно-правовые организации. Основной артерией считалась Китайская улица, где были расположены наиболее солидные здания, среди которых выделялись магазин Мацура, гостиница «Модерн» и магазин Чурина.

² Основатель компании – И.Я.Чурин. После ухода его от дел компаньонами фирмы стали В.А.Левашев и И.И.Мамонтов. Сыновья Н.П.Бабинцева возглавляли отделение в Благовещенске, В.П.Бабинцева – во Владивостоке. Компаньон-распорядитель А.В.Касьянов жил в Москве. Как только была построена КВЖД, фирма Чурина открыла свои магазины в Порт-Артуре, Харбине, Инкоу и Имяньпо. Русско-японская война, резко оживив вначале торговлю, затем ввергла ее в глубочайшую депрессию. Но Торговый дом «Чурин и К°» и в этих условиях смог удержать свои позиции, сведя убытки компании к минимуму. Перед Первой мировой войной оборот фирмы достиг 35 млн руб., ее репутация была известна всему миру. Октябрьский переворот 1917 г. заставил Торговый дом провести реорганизацию. На свет появилось акционерное общество «Торгово-промышленное товарищество на паях – преемники И.Я.Чурина и К° – А.В.Касьянов и К°» с капиталом в 21 млн руб. Механизация в русской компании была лучшей в Маньчжурии, а зарплата более высокой, чем в других фирмах. Работа в новых условиях потребовала увеличения финансирования. Необходимые средства дал Гонконг-Шанхайский банк. В Китае русские коммерсанты продолжили благотворительную деятельность. В Харбине, например, они открыли городскую дешевую столовую им. А.В.Касьянова. В 30-е годы японцы оказали давление на владельцев, и тем пришлось отказаться от всех прав на собственность. После Второй мировой войны, воспользовавшись капитуляцией Японии, русские смогли вернуть руководство компанией. Советское правительство приобрело у Гонконг-Шанхайского банка акции. Впоследствии коммунистический режим, установившийся в Китае, национализировал фирму.

На тротуарах почти сплошь стоят скамейки со спинками для отдыха проходящей публики. Расположены эти скамейки спинками к улице, так что, когда садишься на них, то очутишься лицом к магазинным окнам: сиди и любуйся.

В общем, город мне показался каким-то недоделанным: дома хорошие, а тротуаров мало. Вместо них просто вымощенные, а иногда и вовсе немощеные узенькие проходы. Везде, рядом с красивыми зданиями и прямо на улицах, валяются кучи неубранного мусора, кирпича и т.п. Все это свободно развеивается ветром и создает ужаснейшую пыль.

Выйдя из дома, мы сразу же повстречали знакомого по Иркутску – Бавли. Он дал нам кое-какие адреса иркутян¹. Пошли дальше – повстречали иркутского коммерсанта Курбатова*. Потом я зашла – оказалась неподалеку – на службу к Л.К.Трофимову. Он стал неузнаваем: у него секретарь, о каждом посетителе ему докладывают... И хотя он меня будто бы радостно встретил и руки мне расцеловал, но тотчас же продемонстрировал передо мной всю свою важность: вызывал к себе звонками несколько раз своих «подчиненных», отдавал приказания тоном премьер-министра, – вообще, так нестерпимо ломался, что мне стало и грустно, и смешно на него смотреть. И это – представитель нашей демократии!.. Потом мы с мужем просили его, пока мы не устроились, дать нам займы рублей двести; он кисло обещал и ничего не сделал. А когда-то в Иркутске он, будучи еще просто политическим ссыльным, неоднократно пользовался нашей поддержкой, мы устроили ему много хороших уроков, искали и находили ему и другую работу... Как ни сказать лишний раз, что «старая хлеб-соль забывается».

Разыскала В-ка. Он тоже был далеко не так любезен, как прежде в Иркутске, и хотя пригласил нас пообедать, но тон у него и у его жены был какой-то вежливо-покровительственный. Все это коробило и оскорбляло меня до глубины души. Как быстро меняются люди! В-к дал все же нам адрес его знакомых, где можно было найти комнату, и обещал сходить вместе с нами на биржу, помочь разменять деньги. Курс в тот день был 6,60–7 за одну иену, сибирскими – 160. Мы отложили размен до понедельника, за поздним временем, потом зашли по указанному адресу, но не застали хозяев дома. По соседству оказался знакомый доктор Д.Г.Попов. Зашли, поговорили; он встретил нас хорошо, звал заходить.

Так кончился первый день нашего пребывания в Харбине. Усталые, легли спать. И сон был прерывистый, беспокойный. Проснешься, вспомнишь, что мы – в Харбине, и так странно, и дико все покажется...

21 марта. Утром муж пошел к Мещерскому* попросить работы, получил обнадеживающие обещания. На улице он встретил иркутянина, инженера Аксаментова, который позвал его к себе обедать.

---

¹ И.И.Серебренников встретился с иркутянами: Аксаментовым, А.Н.Вагиным, Ф.Ф.Заборовским, В.О.Марковским, Н.Н.Козьминым, Н.И.Петровым, Н.И.Соболевским и др. (Серебренников И.И. Мои Воспоминания: – Т. 2: В эмиграции (1920–1924). С. 26–30).

Я пообедала в гостинице одна. Обед стоил 20 руб[лей], самовар 5 рублей.

После обеда я пошла разыскивать М.А.Кроля*. День был, в противоположность вчерашнему, страшно холодный, с резким ветром. Ветра здесь ужасные, говорят, почти каждый день. Пыль летит столбом и засыпает глаза. Я пошла в весеннем пальто и продрогла до костей. М.А.Кроль спал после обеда, я просила не будить его и села ждать в маленькой столовой. Было очень грустно, как-то неуютно на душе... Ждала с полчаса, пока М[ихаил] А[фанасьевич] вышел — он не знал, что его ждут, был удивлен и обрадован нашей встречей. Я просила его помочь мне в приискании работы, он обещал, хотел справиться в редакциях газет и в других местах. Это меня немного ободрило.

На обратном пути я зашла в указанную В-ком квартиру. Оказалось, комната там уже сдана за 100 иен в месяц. Квартира хорошая, обстановка нарядная, и хозяйка очень любезная. Но цена — сто иен — показалась мне колоссальной.

Муж видел у Акс[аменто]ва* Писаревских. Они предлагали у себя 3 комнаты за 200 иен. Где же нам взять такие деньги?

22 марта. До четырех часов сидела одна в своем номере. Шила, писала, читала и скучала. Обед не заказывала, ожидая мужа, а он пришел поздно, и я осталась без обеда. Он весь день провел в розысках знакомых и в размене денег. Курс опять повысился, муж едва-едва разменял 6000 на 30 иен и одну тысячу на роман[овские] пятерки, но, по неопытности, не просмотрел хорошо всех денег, и ему подсунули старые и порванные в середине бумажки, которых не берет ни один китаец. Я совсем пала духом. В гостинице придется много заплатить, каждый день курс денег падает — что же будет дальше, как будем жить?

Пошли под вечер прогуляться, зашли к Аксаментовым. Очень милая и приветливая семья. Спросили у них о П.К.Щелкунове*, на которого мы сильно рассчитывали. Оказывается, он уехал в Чанчунь. На улице повстречали еще несколько знакомых. Между прочим, муж рассказал мне, что встретил Жигалова, и, когда в разговоре упомянул о своем затруднительном положении, Ж[игало]в заявил, что он с радостью помог бы ему, но он сейчас не имеет свободных денег, так как достраивает пятиэтажный дом на Японской улице в Харбине. Муж так обозлился, что, не простившись, ушел от него.

Встретил муж также И.М.Габриловича*. Тот, узнав, что у нас нет комнаты, предложил нам занять временно его квартиру, так как он с женой уезжают на днях в Тяньцзинь. Можно будет прожить у них с месяц, а, может быть, и два—три месяца совершенно бесплатно, с правом пользования кухней. Габр[илови]ч позвал мужа к себе обедать, показал ему будущую нашу комнату. Я очень рада, конечно: месяц экономии на комнате много для нас значит.

23 марта. С утра я бегала по меняльным лавкам со своей пятисоткой и сибирскими. В одной конторе последних совсем не взяли, заявив, что эти деньги плохие; за 500 рублей давали 18 иен или 135 романовскими. Пошла в другую — 125 ром[ановских]. Наконец, не зная, что делать, и боясь остаться вовсе без денег, я отдала за 20 иен

500 рублей и 1 1/2 тысячи сибирских за 100 рублей романовских, тщательно пересмотрев каждую бумажку. Курс сегодня был еще 200 р[ублей] за иену.

Муж за это время разыскал Н.И.Петрова*, который ссудил его 100 иенами, — целое богатство! — и обещал разузнать насчет лекций на курсах, где он состоит лектором, так же, как Г.К.Гинс* и Устругов*. По случаю неожиданной получки денег мы заказали два обеда в нашей гостинице и сытно поели. Потом зашли к Габриловичам, обо всем переговорили; послезавтра можно уже переезжать к ним. Слава Богу, хоть одно затруднение пока устраняется.

На душе у меня сегодня очень скверно. Такой бездушный, противный город, такие черствые люди! Все боятся, что мы приехали, чтобы сесть к ним на шею, не желают помочь нам в беде даже жалкими грошами, как будто это разорит их...

24 марта. Осматривали Японский торговый музей¹. Там представлены многие области. Есть отдельные вещи очень изящные и красивые; но, в общем, жидковато.

Встретили на Китайской улице Габриловича, он позвал нас к себе. Повидала я его дочь Валю, мою ученицу в Иркутске, — я готовила ее в группе с другими пятью девушками к выпускному экзамену по словесности. Семья Г[абрилови]ча отнеслась к нам сочувственно; обещали разузнать насчет уроков для меня или места в гимназии.

На обратном пути натолкнулись на своеобразную уличную биржу. Идет отчаянный торг деньгами, куча народа, в воздухе мелькают кипы ассигнаций. Китайцы, с одурелыми от жадности лицами, держат в руках и подмышками целые груды романовских денег, кучи серебряных долларов бренчат в пригоршнях. Мне неприятно было смотреть, хотя в первый раз и интересно.

Вопрос о работе в Монголексе² выяснится через неделю, когда все заправилы вернутся из Владивостока³. Неделю еще, значит, мы будем висеть между небом и землей. Да, может быть, еще и там не выгорит.

26 марта. Вчера не успела ничего записать: перебирались на новую квартиру. В гостинице оплатили колоссальный счет: 42 иены за шесть суток, обеда, самовары и пр. — 26 иен. Итого 68 иен. Порядочно раздали еще чаевых, причем швейцар, получивший от нас 400 сиб[ир-

---

¹ Японский торговый музей в Харбине. Его целями было: а) восстановление деловых сношений между Японией, Россией и Северной Маньчжурией; б) выставка товаров японского, русского и китайского производств и сырья России и Северной Маньчжурии; в) сбор статистических данных, касающихся торговли и промышленности; г) посредничество между русскими, японскими и китайскими коммерсантами; д) ознакомление с ближайшими рынками и положением торговли и промышленности путем издающихся журналов на японском языке («Роадзихо») и на русском («Вестник Японского музея в г. Харбине»).

² Монголекс — управление Маньчжурско-Владивостокского района Монгольской экспедиции по заготовке мяса для действующих армий. Главное правление было открыто в Иркутске в 1915 г. 1-й начальник полковник П.К.Козлов, исследователь Азии. Помощник — ветеринарный врач А.А.Дудукалов. Имелись районные отделения: Западно-Сибирское, Западно-Монгольское, Восточно-Сибирское, Восточно-Монгольское и Маньчжурско-Владивостокское.

³ Начальник отделения в Харбине ветеринарный врач А.С.Мещерский.

ских], т.е. 2 иены, остался недоволен и начал ворчать, хотя он нам никаких услуг за все время не оказывал, — только вынес наши вещи из вестибюля на подъезд. За перевозку вещей китаец запросил 15 роман[овских], но не взял чуть поношенных бумажек, и пришлось отдать ему 2 иены.

После мрачного, сырого номера гостиницы новая наша комната показалась нам раем: теплая, вся залитая солнцем. Хозяева очень радушно встретили нас. В 7 часов мы проводили их на вокзал и вернулись на свое новоселье.

Ночь прошла с маленьким приключением. Вчера нам освободили только одну кровать, и я постлала мужу постель на полу. Еще с вечера начали ползать по полу маленькие черненькие букашки и даже одна мокрица — признак сырости. Потом, когда я уже потушила свет и почти задремала, муж сказал: «Кто-то большой ползет у меня на подушке». Я быстро вскочила, отвернула выключатель и с ужасом увидела огромного черно-коричневого жука, который спрятался под мужнину подушку и грозно шевелил оттуда длинными усами. Набравшись храбрости (я всю жизнь боялась больших насекомых), я прихлопнула его мужниной штиблетой, причем распространился от противного создания едкий, острый запах. Потом этот жук долго мерещился мне, и я кое-как уснула.

Сегодня мы взяли себе вторую кровать, поставили письменный стол, на котором я разложила свои книги. Стало очень уютно, и, в связи с этим, поднялось мое настроение. Захотелось скорее начать работать — впереди минимум месяц жизни в хорошей квартире, где мы сейчас являемся полными хозяевами. В нашем распоряжении, кроме отведенной нам комнаты, имеется прекрасная столовая, кухня и ванная комната. Час тому назад я с наслаждением приняла горячую ванну. Вода здесь скверная, стягивает кожу и склеивает волосы; нужно прибавлять к ней уксусной эссенции при полоскании волос.

Сегодня я никуда не выходила, раскладывала вещи, прибиралась. С русской прислугой Габриловичей, Верой, я уговорила, что она будет покупать мне провизию и готовить обед; за это мы будем платить ей.

Муж был вчера в помещении Союза христианской молодежи¹, где ему предложили читать лекции по сибиреведению, а мне — по истории русской литературы. Оплачиваются лекции по 50 рублей романовскими за час. Это было бы хорошо, конечно, но мне нужно готовиться, иметь книги, учебники — где я все это буду доставать?

30 марта. Ничего не записывала эти дни; ничего особенного не случилось. В новой квартире чувствуем себя хорошо. Пока делать нечего, бродим по городу. Вчера ходили в Модягоу, предместье Харбина,

---

¹ Харбинское отделение Христианского союза молодых людей (ХСМЛ—УМСА). 1-й китайский отдел ХСМЛ образован в 1895 г. в Тяньцзине. Харбинский отдел существовал с 1918 г. Вначале он занимался обслуживанием американских и английских экспедиционных войск, затем переключился на помощь русским беженцам. Были организованы курсы английского языка и стенографии, отправлены первые студенты на учебу в Европу и США. С октября 1923 г. стала разворачиваться сеть профессиональных школ: шоферов-механиков, машинописи и воспитателей дошкольников.

версты четыре—пять от нас¹. Там очень много садов, тихие спокойные улочки; нам понравилось. Встретили Кармазинского; он нервно настроен, второй месяц без работы. Нашего полка безработных все прибывает.

Зашли в магазин Чурина, и я купила там сборник «Бирюч», владивостокскую новинку². Хочу дать отзыв о нем в «Новости». Газета согласилась, по рекомендации М.А.Кроля, принимать от меня отдельные статьи; постоянных же отделов свободных нет.

У Чурина множество отличного товара, у нас глаза разбежались. Роскошные закуски, конфекты... Мы, как маленькие дети, соблазнились орехами в сахаре и бананами в шоколаде и купили по фунту тех и других. Потом мне было очень стыдно, что мы, не имея еще работы, швыряем последние деньги на сласти. Что делать — соблазн был велик...

Третьего дня я была очень напугана странным сердечным припадком, случившимся со мной. Я сидела спокойно за столом, как вдруг ударило что-то в сердце, и захватило дыхание так, что я даже закашлялась; сначала лицо и руки похолодели, потом в них горячо хлынула кровь. Я с трудом, чувствуя себя совершенно оглохшей и одурелой, добралась до кровати и почти упала на нее, и в это время сердце так бешено колотилось; что я слышала его удары и ощущала сильную боль в груди. Потом начались редкие, но тоже сильные сердечные толчки, и постепенно все затихло. Потом, часа через два, опять повторилось то же, но значительно слабее. Что это такое? Вероятно, новый климат дает знать о себе таким образом. Доктор Д.Г.Попов говорил нам, что климат в Харбине тяжелый, особенно летом, когда от влажной жары человек весь покрывается тропической сыпью.

---

¹ В этом районе жило около 90% русского населения Харбина. «Связанное трамвайной линией с прочими районами Великого Харбина, Модягоу одновременно обслуживается автобусным движением и постоянным курсированием легковых автомобилей, не прерывающих свою работу в течение всей ночи. Это последнее обстоятельство даст полный простор воле обывателя Пристани засиживаться до какого угодно часа в Модягоу или, наоборот, до глубокой ночи быть на шумливой Пристани модяговцу. Большое количество магазинов, кондитерских, кафе Азадовского, кинематограф, библиотеки, больницы, амбулатории и аптеки в полной мере обслуживают жителей Модягоу, если не считать нужду в верхнем платье, шерстяных материях и обуви. Вдоль речки Модяговки, через которую проложили 2 моста, соединяющих поселок с Новым городом, раскинулся питомник КВЖД» (Модягоу // Коммерческий указатель Великого Харбина. Харбин, 1933. С. 51).

² Бирюч: Журнал искусства и жизни с публицистическим отделом / Под ред. С.Третьякова. Владивосток: Изд. Т-ва «Общедоступная книга», 1920. Март. В предисловии отмечалось: «Искусство новое, искусство живущее, искусство, орущее звонкой глоткой, дивясь на прекрасные движения и дали жизни, искусство, не жалеющее рвать цепкие руки об осколки промахов и ошибок, дабы маршрутировать туда, где оно еще не ступало, и домогающееся говорить о душе человеческой словами несслыханными, красками невиданными, — это искусство зовет Бирюч на свои страницы! Спорам о слове, краске и звуке, свободному обмену мыслей всех направлений и групп в искусстве открывает Бирюч свои столбцы. Поэтам, художникам и музыкантам предлагает Бирюч присылать свои произведения и вопросы, полагая в живом общении залог активного роста молодого искусства в самой толще народа» (С. 1).

31-го марта. Сегодня унесла объявление в «Новости»¹ о том, что даю уроки русского языка иностранцам, а также готовлю и репетирую по рус[скому] языку и литературе. Посмотрим, что из этого выйдет; особых надежд не питаю. Стоило объявление 2 1/2 иены.

Подготавливаю кое-что для газеты. Под вечер ходим гулять, продолжаем знакомиться с городом. Были на Сунгари — некрасивая река, плоские берега, как на Иртыше. То ли дело наша чистая, холодная красавица — Ангара!

Видели около реки китайские киоски, разукрашенные, пестрые, с яркими изображениями драконов. Все это ново и интересно для нас.

К нам в квартиру вселился новый жилец, грузин Учадзе. Привел его к нам молодой сын Габриловича, живущий на отдельной квартире; он женат, и оба они с женой — симпатичные люди. Сегодня мы, по их приглашению, у них обедали.

1 апреля. Муж ходил в Новый Город и потерял пенсне. Где тонко, там и рвется. Говорят, стекла здесь стоят очень дорого.

В Фудзяне — это Китайский город Харбина — есть китайский и японский театры. На Пасхе думаем побывать там.

2 апреля. Сегодня я — именинница. Вера напекла мне печений, к обеду сделала блинчики, компот из фруктов, и мы пообедали втроем: я, муж и М.А.Кроль. Вспоминали об Иркутске, и всем было немного грустно.

Мое объявление в газете сегодня не появилось. Пойду завтра узнать, в чем дело.

Предложений работы пока нам не было. Близится праздник Пасхи — невесело будет встречать его вдали от близких, в чужом, бездушном городе.

Закончила переписку поэмы К.Гавличка. Завтра отнесу в газету. Сегодня никуда не выходила. Дует страшный ветер; холодно, пасмурно и тоскливо.

Вчера вечером разговорились с новым постояльцем. Оказывается, он был в 1911 году в Знаменке, в Сибири, в ссылке, хорошо знает Елену Ревзон, Веру Стрелову и др. О нас он уже слышал здесь: кто мы такие, откуда приехали.

«Мне уже сказали о Вас, что Вы — курсистка».

«Откуда люди узнают?» — удивилась я.

«Я рассказал моему приятелю, Ан.Пескину, что Вы хорошо разбираетесь в политике, а он мне и сказал, что Вы — петербургская курсистка».

В вечер его переезда к нам, мы с ним долго беседовали — о политике, в том числе.

3 апреля. Объявление мое в газете опять не напечатано. Я пошла в контору объясняться. Оказывается, его просто затеряли. Нечего сказать, милые порядки! Я написала объявление снова и настойчиво просила поместить его немедленно; потом прошла в помещение редакции. Клиорина* не было, я ждала минут десять. Потом он при-

---

¹ Новости дня (б. Новая жизнь): Ежедн. полит., обществ., лит., торгово-промышл. газ. Выходила в Харбине с 1907 по 1929.

шел — кругленький, чистенький, любезный еврейчик. В редакции, как и в конторе, — почти сплошь евреи: сидят, пишут в пальто и в фуражках на затылках. К[лиори]н взял мой материал и просил зайти за справкой дня через три.

4 апреля. Наконец, появилось мое объявление. Я весь день просидела дома, но ни одной души не пришло, как я и ожидала. Погода сегодня отвратительная, холод; ночью и утром шел снег, потом дождь.

5 апреля. Собралась к зубному врачу, поблизости от нас. Как и везде, там открывает дверь и снимает одежду китаец-бой. Еще расход на лечение, а заработок пока только улыбается издали. Сильно разболелись зубы, не могла терпеть.

Пока муж взял от Монголекса сдельную литературную работу и уже засел за нее¹. Есть надежда получить 200—300 иен, если ничто не помешает работать.

Вечером мы бродили с нашим грузином по городу. У него, как я сказала ему шутя, совсем приискательские замашки: он все время что-нибудь покупает на улицах — фрукты, сласти; нынче купил ликеру, и мы втроем его выпили за ужином. Почти каждый день угощает меня шоколадом, какао, яблоками.

У уличных торговцев-китайцев хороший товар на их лотках: красивые кружева русского плетенья, перламутровые пуговицы, носки. Я люблю кружева, все заглядываюсь на них и прицениваюсь, но не покупаю.

Вечером приехала молодая Габрилович, о чем-то сердито говорила с Верой, а потом отдала мне ключ от ледника и предупредила, чтобы я была осторожной и все запирала. Что это значит, не знаю; Вере я уже давно не доверяю, она тратит на наше хозяйство слишком много денег и продуктов, и я хочу под благовидным предлогом отклонить ее услуги и готовить обед самой.

6 апреля. Сегодня разъяснилось, что значило вчерашнее предостережение О.А.Габрилович: утром она приехала в сопровождении полицейского чиновника, и у Веры был сделан обыск. Проживавший в квартире еще до нас инженер М-в телеграфировал, что у него потерялась здесь золотая цепь с самородком и много белья, и он высказал подозрение на Веру. Та подняла вопль при обыске, плакала, уверяла, что она ни при чем; украденных вещей у нее не нашли, но все же рассчитали, пригрозив арестом.

Я, признаться, довольна, что Веры в доме не будет, за последнее время она как-то неприятно стала действовать на меня. Что она воровка, нет сомнений: я произвела сегодня учет своего хозяйства и не досчиталась более сотни яиц, потом риса, масла и пр. Всего этого я

---

¹ НИЛА. Serebrennikov I.I. Дневник, запись от 1 июля 1945; Оpubл.: Серебренников И.И. Материалы к вопросу о состоянии скотоводства у бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Харбин: Тип. КВЖД, 1920. Монгол. экспедиция по заготовке мяса для действующих армий. Маньчжур. Владивост. р-н; Он же. Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 гг.; Вып. 12, прил. 4; Материалы к вопросу о численности и составе скота в Сибири: (С.-х. перепись 1916 г.). Вып. 12, прил. 5. Харбин: Тип. КВЖД, 1920. Монгол. экспедиция по заготовке мяса для действующих армий. Маньчжур.-Владивост. р-н. Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 гг.

закупила довольно много, и теперь почти ничего не оказалось. Теперь я буду готовить сама. Китаец-караульный нашего дома Василий, хорошо говорящий по-русски, согласился ходить для меня на базар за провизией.

Сегодня жестоко разболелся мой зуб, после визита моего к дантисту. Сейчас — 11 часов ночи — болит отчаянно. Боюсь, что не засну всю ночь. Был вечером ген[ерал] Бобрик, рассказывал много интересного о своем путешествии по Сибири. А меня так мучила зубная боль, что я с трудом сидела за столом, через силу наливала чай и поддерживала разговор.

7 апреля. Сегодня — Благовещение. Ясный, теплый день. За ночь зуб мой чуточку успокоился. Уснула я почти под утро, поэтому встала поздно и не успела еще выпить чаю (10 1/2 часов), как появился неожиданно у нас К.Ф.Егоров*, большой наш иркутский приятель. Встреча вышла взаимно радостной. Он сказал, что не ожидал увидеть меня здесь, думал, что И[ван] И[ннокентьевич] один приехал. «Положительно, земной шар становится тесен», — сказал он, шутя. Провели за оживленным разговором часа два.

Сегодня я сама готовила обед. С непривычки, вернее, с отвычки порядочно устала. После обеда выстирала 90 штук белья — платков, лифчиков, блузок; сделала, таким образом, экономию на прачке. Все перегладила потом, и сейчас, к вечеру, сильно болят плечи и руки. Сестра моя Валентина сказала бы: «Это у тебя от того, что ты в Благовещение работала. Грех!»

8 апреля. Через два дня — Пасха. Молодые Габриловичи предупредили, чтобы мы не пекли кулича, они нам пришлют. Мы очень тронуты. Я заняла у них 10 иен, купила немного закуски, бутылку водки. Сделала маленький запас масла, муки, круп, картофеля на свое хозяйство. Василий ходил сегодня на базар, по моему поручению. Я же сбегала утром к дантисту, потом в редакцию «Новостей», потом принялась за приготовление обеда, после — за глаженье... Потрудилась достаточно.

Из принесенного мной в газету материала К[лиори]н две вещи принял, поэму вернул — велика. Когда я спросила о гонораре, он назвал мне такую низкую цифру, что я не знала, оставлять ли материал или взять обратно. Потом подумала: раз написано, пусть идет. Но пропала всякая охота писать что-нибудь дальше за такие гроши.

Был вечером [А.Н.]В[аги]н. Живет с женой и двумя детьми в крохотной комнатке. Сюда приехал с 4000 сибирских денег. Тоже без работы.

В Харбине объявлен концерт певицы М.Черкасской*. Разве я пропустила бы такой концерт, если бы он был в Иркутске! А здесь никуда не хочется. Как вспомнишь, что за билет нужно отдать две или три иены, а иен этих так мало, то, кажется, приезжай сюда сам Шаляпин, и то не пойду.